

• *Суд сердца* •

О ТОМ, КАК ТРУДНО РЕШАТЬ
ЧУЖУЮ СУДЬБУ, КОГДА НЕ МОЖЕШЬ
РАЗОБРАТЬСЯ В СОБСТВЕННОЙ,
ЧИТАЙТЕ В ЦИКЛЕ РОМАНОВ

МАРИИ ВОРОНОВОЙ

Женский приговор
Погружение в отражение
Идеальная жена
Сама виновата
Когда убьют – тогда и приходите
Жертва первой ошибки
Второй ошибки не будет
Из хорошей семьи
Кадры решают все
Без подводных камней
Угол атаки
Вечный шах
Прибавление семейства
Дорога, которой нет

МАРИЯ
ВОРОНОВА

ДОРОГА,
КОТОРОЙ НЕТ

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Иллюстрация на переплете *Алексея Вайнера*
Художественное оформление серии *Алексея Дурасова*
Издание осуществлено при содействии
Натана Яковлевича Заблоцкиса
Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Воронова, Мария Владимировна.
В75 Дорога, которой нет / Мария Воронова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-202189-3

Перестройка, гласность: пой, торгуй, самовыражайся, пиши и говори что хочешь! Все дороги открыты – но только не для Тимура Тарнавского, который отсидел 5 лет за то, что американский журнал напечатал его рассказ. От парня отвернулись родные, и только друг — муж судьи Ирины Поляковой — оказался рад ему. А вот сама Ирина заинтересовалась странностями процесса, который спешно был проведён по делу о продавшем родину Тимуре. Столько странного в нём: и влюблённая девушка-подельница, и скоропостижно умершая жена, и неприглядная роль соседа-писателя... А может, это просто судья в декрете всё себе накручивает — чтобы не утратить рабочие навыки?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202189-3

© М.В. Виноградова, текст, 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

— Нет, нет и нет! — произнесла Ирина. Получилось очень внушительно, жаль только, никто не услышал. Женечка спал после кормления, а больше никого не было дома. — Нет, — повторила Ирина и, радуясь, что это так хорошо у нее выходит, поправила одеяльце своему третьему сыну и отправилась в кухню варить борщ.

Шинкуя овощи, Ирина репетировала свою вечернюю речь с отказом, и чем больше она находила веских аргументов, тем яростнее стучал нож по разделочной доске.

— Приглашать в дом бывшего зэка, Кирилл, — это очень и очень плохая идея. Мало ли чего он там на зоне подцепил, а у нас дети! Что? Ты говоришь, он прошел полный медосмотр и настолько здоров, что его взяли работать на скорую помощь? Ну пусть так, ладно, хотя ты не хуже меня знаешь, насколько можно доверять нашим медосмотрам.

Сгрузив нарезанные овощи на сковородку, она помешала их лопаточкой и выскочила посмотреть на сына. Тот безмятежно спал. Ирина завела руки за

спину, чтобы Женя не почувствовал запах лука, и, нагнувшись, как журавль, поцеловала круглую щечку.

— Скоро гулять пойдем, — шепнула она и помчалась в кухню, к заправке, уже начавшей угрожающе потрескивать на сковороде. — Ладно, пусть он здоров физически и не опасен нашим детям, пусть. Но что у него в голове творится? Зона — это тебе не санаторий и не какая-нибудь духовная семинария, уж поверь. После пяти лет колонии он не мог выйти оттуда таким же хорошим парнем, каким сел, пусть даже сел и ни за что. Особенно если сел ни за что. — Тут Ирина многозначительно подняла красный от свеклы палец, ведь и правда мало что ломает человека так, как несправедливое наказание.

Сгрузив овощи в бульон, Ирина попробовала суп, подсолила, бросила пару лавровых листочков и горошинок перца, но тут же спохватилась, схватила ложку и принялась вылавливать перчинки, которые чувствовали себя в кипящем вареве как рыбы в воде и ни за что не хотели спастись.

— Давайте, давайте, — с азартом приговаривала Ирина.

Недавно Володя перешел на взрослую еду, и все было отлично, пока бедный ребенок не разгрыз случайно попавшую ему в тарелку горошинку перца. У Ирины тогда чуть молоко не пропало от страха за сына и чувства вины, и с тех пор она приправляла еду очень сдержанно, и только молотым. А сегодня вот забылась, готовя программную речь.

— Ну не выливать же из-за тебя одной весь суп, — строго цыкнула она на последнюю строптивую перчинку, и та наконец сдалась.

Ирина с лязгом бросила ложку в раковину и воскликнула:

— Вот видишь, Кирилл, он уже мешает нам спокойно жить! Я нервничаю и забываю самые элементарные вещи!

Что ж, если добавить в голос чуть-чуть слезы и немножко визгу, этим аргументом она с легкостью парирует «Ну Ирочка, мы в городе, Тим на даче, он совершенно нам не помешает!».

— Не помешает он, как же. — Включив краны на самую слабую мощность и положив на дно раковины тряпочку, чтобы шум воды не разбудил сына, она взяла железную мочалку, с силой провела ею по куску хозяйственного мыла и принялась надраивать сковородку. — На даче он поживет, а как начнется сезон, так сразу съедет. Ну да, ну да... Ты, Кирюша, еще молодой и не знаешь, что не пригласить и выгнать — это две совершенно разные по сложности задачи. Ой, скажет твой Тим, куда же мне идти? А я ведь такой скромный, занимаю так мало места, которого у вас, извините за выражение, хренова гора. Неужели вам жаль крохотного уголка для безвинной жертвы проклятого режима? Или молча пойдет собирать свои пожитки с таким несчастным видом, что нам с тобой, Кирилл, станет стыдно, и мы первые начнем хватать его за фалды, умоляя остаться с нами навсегда. И что, прикажешь мне с тремя детьми жить в одном доме с уголовником?

Да, Кирюша, он уголовник, раз осужден и отсидел. Чему он научит Егора? Уж явно не тому, что ему пригодится в той жизни, какой мы для него хотим. Ты клянешься, что он съедет прежде, чем наши ноги переступят порог дачи? Но, Кирюша, сейчас март, а в апреле мы уже выезжаем на субботу-воскресенье, куда твоего товарища девать? Зачем ему такая короткая передышка, пусть сразу ищет себе нормальное жилье. Это же логично? — спросила себя Ирина и сама себе ответила, что более чем. — И это, Кирилл, я тебе обрисовала еще самый идеальный вариант, а в реальности он напьется до беспамятства и спалит нам дом, вот и все. Или не спалит, но приведет в такое состояние, что нам самим захочется его сжечь. У нас великий народ, все ему по плечу, любые горы может свернуть, любую блоху подковать, единственное, чего он не умеет, — это отличать свое от чужого. Так что, Кирилл, нет. Так всем будет лучше, в том числе и ему. И ты сам прекрасно это понимаешь.

Тут Ирина вздрогнула, уловив в своих словах типичную мамину риторику. Ну а что, она взрослеет, стареет, напитывается жизненным опытом и здравым смыслом. Имеет право.

В самом деле, что может противопоставить защита ее безупречной системе аргументов? Что «Тим — братишка»? Простите, товарищ адвокат, но вы тоже не молодеете, юность ваша давно позади, вы солидный семейный мужчина, вам сейчас следует думать не о братишках, а о детишках, коих у вас трое. Пусть ваш Тим обращается к другим своим друзьям, которые все еще

держат себя за молодых и рьяных. Таких у него наверняка полно. Должно быть. Он же за правду пострадал, боролся с ненавистным режимом, к нему сейчас со всех сторон должны протянуться руки таких же бунтарей.

— Вот именно, — буркнула Ирина вслух, осторожно, чтобы не загреметь, убирая сковородку в духовой шкаф, — бунтарей, а не скучных обывателей вроде нас.

Женечка все еще спал, борщ уютно и тихо побулькивал на плите, наполняя воздух приятным ароматом домашней еды, в любимой кружке дымился чай с молоком для улучшения лактации... Не идиллия, но радостная, безмятежная жизнь, в которой Ирина чувствовала себя очень хорошо и абсолютно не скучала по риску, тревогам и тяжелой обязанности принимать решения.

— Ну его к черту, этого Тима! Устроится он прекрасно и без нас!

Сказав это, Ирина поморщилась, потому что знала, что лукавит. Не устроится этот Тим. За пять лет не один только Кирилл обзавелся семьей и сделал карьеру. Большинство их друзей остепенелись, им есть что терять, а те, кто до сих пор протестует, нахлебничают у родителей, которым последнее, что нужно в этой жизни, — это посадить себе на шею бывшего зэка в дополнение к балбесу-сыну. Так что придется бедняге пробиваться самостоятельно. Как это в свое время сделал Кирилл, и ей самой тоже никто не помогал... Правда, их с мужем не сажали в тюрьму по идиотскому обвинению на самом пике молодости...

Ирина тряхнула головой. Ну и что, не она же выносила приговор, так и не обязана исправлять чужие

ошибки. Вот пусть тот судья берет Тима к себе пожить, вот это будет справедливо, а она ни при чем!

Ни при чем! Правда, если уж речь зашла о справедливости, то стоит заметить, что дача принадлежит Кириллу. Досталась ему в наследство от родителей, его собственность, на которой он может творить все, что только пожелает. Интересно, было бы наоборот, стала бы она спрашивать мужа, кого из подруг ей приглашать на дачу? Ага, сейчас! Послушалась бы его запрета... Нет, послушалась бы, но злобу затаила, это точно. Да что моделировать гипотетические ситуации, когда вот она, реальность: Гортензия Андреевна давно стала членом семьи, но даже в самом начале их дружбы Ирина ни разу, ни единого разочка не спросила мужа, можно ли ей пригласить старушку на дачу. Просто звала, и все, а воспитанная Гортензия Андреевна наверняка считала, что разрешение получено. Да и мама приезжает, когда хочет, и живет, сколько заблагорассудится. И Кирилл ни разу не возмутился, ни разу не дал понять, что самоуправство жены ему неприятно.

М-да, Ирина Андреевна! Грешите на соотечественников, а, пожалуй, у вас самой чувство собственности тоже в первобытном состоянии.

И если уж на то пошло, то детей, интересы которых она защищает, трое только у нее. Егор от первого брака, но Кирилл его усыновил, заботится о нем как о своем и вообще ведет себя так, что мальчик давно забыл, что он неродной. А ничто, между прочим, не мешало мужу в начале их знакомства сесть и подумать точно так же, как она сейчас. Также взвесить все «за» и «про-

тив» разведенки с прицепом, и тут же все бы и закончилось, ибо против женитьбы на бабе с ребенком все, а за — только если бы вдруг она оказалась последней женщиной на земле.

Так что надо отдавать себе отчет — она сейчас благополучна и счастлива только потому, что муж в свое время не испугался трудностей и обязательств.

— Только все равно пускать в дом зэка — настоящее безумие, — прошипела Ирина, — все равно я права. Пусть не так сильно права, как думала с утра, пусть не в белом пальто, но все равно права. Скажу Кириллу, что я все понимаю, что мне очень жаль, но дети важнее всего, даже нашей чистой совести. Даже разрешу ему на меня сердиться. Признаю вину, и, когда с Тимом со своим будет разговаривать, пусть все валит на меня. Скажет, жена, стерва такая... Только мужикам от всех этих страстей ни холодно ни жарко, им важен результат. Я постучал в твою дверь, ты не пустил, а что да почему, вопрос десятый.

Тяжело вздохнув, Ирина уставилась в окно. Там подрагивала одинокая слабая веточка — это дотянулась до подоконника верхушка большого куста сирени, росшего возле их парадной. Чуть изогнутая, с едва проклюнувшейся почкой, она вдруг показалась Ирине похожей на перископ. Наверное, он выглядит таким же хрупким и беззащитным, когда его поднимают над поверхностью океана.

Просто веточка, едва заметная среди хмурой серой воды, но от нее зависит сотня жизней, сто сердец бьются в холодной глубине...

Наверное, это очень крепкие узы. Когда вы действуете как единый организм, а слова «один за всех, и все за одного» не заезженный лозунг, а суровая реальность, то после этого вы никогда не становитесь друг другу чужими.

— Да пусть делают что хотят! — воскликнув так, Ирина неожиданно для себя самой засмеялась. — Пусть хоть сожгут, хоть разломают, в конце концов, это дача Кирилла и друг Кирилла, вот пусть у него голова и болит. Если дом каким-то чудом достоин до лета, я поеду с инспекцией и, будьте уверены, заставлю Кириюшу все языком вылизать перед заселением детей.

Ирина снова засмеялась, теперь уже злорадно.

— Обычно я сама дачу готовлю к сезону, а в этот раз буду только ходить и пальцем тыкать. И платочком беленьким палубу протирать, как царский офицер. И не дай бог, вот просто не дай бог... А если этот Тим ничего себе не найдет до мая... Хотя почему «если»? Когда он себе ничего не найдет, пусть летом в бане перекантуется. А там, глядишь, устроится. Дом он, как собирается, конечно, не отстроит, но вдруг общагу получит или женится. При нынешнем дефиците мужиков даже сиделому нетрудно покорить сердце дамы с жилплощадью. Ну а нет, так, с другой стороны, и неплохо, когда дом жилой круглый год. Кирилл собирается машину покупать, так будем зимой на выходные ездить, воздухом дышать да на лыжах кататься. Все к лучшему обернется в конце концов.

Да, пожалуй, теперь, с высоты прожитых лет, она уже имеет право на такой вывод. Вспомнить страшно, сколь-

ко было пролито слез после развода, в какое дикое отчаяние она тогда впадала, убежденная, что жизнь кончена. А когда пыталась увести из семьи женатого начальника, вообще жила так, будто у нее вместо нервов колючая проволока. Только прошло время, и жестокие удары судьбы оказались пинками, подталкивающими ее к настоящему счастью. Господи, как же хорошо, что бог не слышал тогда ее молитв и не дал того кошмара, который она так страстно для себя просила.

Религия, конечно, опиум для народа, никто не спорит, и смирение — не то качество, которым должен обладать настоящий советский человек, но жизнь показывает, что именно оно приносит счастье и спокойствие. Именно когда перестаешь требовать у судьбы того, чего ты, по собственному мнению, достоин, а принимаешь то, что у тебя есть, и начинаешь думать, что с этим делать и как жить, в душе воцаряется мир и дела идут на лад.

Взять хоть имя для сына. Еще до родов договорились, что дочка будет Машей в честь Ириной матери, а сын либо Вениамин, либо Андрей, в честь отцов Кирилла и Ирины с Гортензией Андреевной соответственно.

Когда родился сын, финальный выбор оказался невероятно труден. Кирилл говорил, что папа, все золотые годы детства проведенный под псевдонимом Витамин, не особенно любил свое имя и уж точно не хотел бы подобной участи для внука. Мама, с одной стороны, была рада увековечить память папы, а с другой — хотела, чтобы покойный муж отдельно, а любимый

внук — отдельно. Прикидка отчества тоже аргументов не добавляла, Андрей Кириллович и Вениамин Кириллович звучали одинаково мелодично. Гортензии Андреевне с Ириной нравились оба имени, они просто вглядывались в личико младенца, пытаясь понять, кто перед ними: Веня или Андрюша. И не находили ответа.

Наконец Витя Зейда на правах крестного отца предложил довериться судьбе, орудием которой была назначена Гортензия Андреевна. Зейда выпросил у Егора тетрадный листок и удалился в кухню, где в условиях строжайшей секретности изготовил два конверта и на тарелочке преподнес их старушке.

Гортензия Андреевна, закатив глаза, поводила над тарелочкой ладонью, наконец с криком «ах, была — не была» схватила левый конверт, распечатала и в изумлении прочитала:

— Женя!

Зейда отчаянно клялся, что первая буква В, а не Ж, и надо понимать, в конце концов, врачебный почерк, а Ирина с Кириллом посмотрели на сына и вдруг поняли, что он Женя, и никто другой. И даже странно думать, что можно назвать его как-то иначе. Так что из двух возможных вариантов в реальности обычно происходит третий, когда к добру, когда к худу, такова уж жизнь.

Сделав этот шокирующий своей новизной вывод, Ирина выключила суп. Не хотелось тормошить так крепко спящего Женю, но пора было в садик за Володей. Конечно, его мог бы забрать Егор по дороге из музыкальной школы, но Ирина подозревала, что не

высидит все три года по уходу за ребенком — сердце, а главное, председатель суда Павел Михайлович позовет ее на работу гораздо раньше, — и хотела дать старшему сыну хотя бы год, полностью свободный от обязанностей няньки.

* * *

Как только Кира вошла, шоферы замолчали. Кира знала, что они не плетут заговор против нее, просто без мата им тяжело формулировать свои мысли, а выражаться в присутствии женщины нельзя. В закутке за шкафом она быстро переделалась в рабочее и пошла к диспетчеру узнать, с кем сегодня ее поставили в смену.

Узнав, что с Шереметьевой и Косых, Кира приободрилась. Хорошая бригада, грамотный врач, умелый фельдшер, а главное, они не закатывают глаза к небу в немой мольбе избавить их от такой страшной напасти, как водитель-женщина. Хотя бы в ее присутствии так не делают, а там кто знает...

Кира вернулась в комнату водителей, и разговор снова, как по волшебству, смолк. Ей стало жалко мужиков из-за того, что она не дает им спокойно обсудить какую-то животрепещущую тему, поэтому не стала заново кипятить чайник, залила растворимый кофе тем, что было, и вышла в коридор, яростно растирая ложкой набухшие коричневые комки.

Можно было бы устроиться в сестринской, с девушками, но там Киру тоже не ждали. Там свои темы, свои интересы, свои интриги.